

Психические формы отражения имеют гностическую характеристику, представляющую отношение материальных процессов, которые вызваны в мозгу объективной действительностью, к отражаемому миру. А это и есть идеальное, психическое, единое с материальным, но нетождественное ему.

3. Очень важно рассматривать проявления и развитие психики через призму законов диалектики: например, закона всеобщей связи и взаимодействия, закона развития от простого к сложному, закона перехода постепенных количественных изменений в качественные, закона единства и борьбы противоположностей, закона “отрицания отрицания”, закона меры и др.

4. Рассматривая психику как отражение высокоорганизованной материей объективной действительности, следует обращаться к основным положениям ленинской (научно-материалистической) теории отражения: независимо от нашего сознания, т.е. объективно, существует мир материальных вещей, процессов и явлений; этот мир действует через каналы связи мозга со средой (органы чувств) на мозг, оставляя в нем копии, “снимки” самого себя (субъективные образы объективного мира); критерием истинности или неадекватности отражения является практика.

5. Рассматривая психические формы отражения, не только как имеющие гностическую, но и поведенческую характеристики, нельзя игнорировать основные положения диалектико-материалистической теории познания. Познание объективного мира идет от простого созерцания (чувственных форм отражения: ощущений, восприятия, представлений) к абстрактному мышлению, т.е. к познанию сущности вещей и явлений, их закономерных (существенных) связей и отношений с помощью анализа и синтеза чувственной информации, и далее – от абстрактного мышления к практике, обогащенной знаниями существенного, закономерного в объективном мире, т.е. – к практике, обогащенной знанием законов науки.

6. Психология не может развиваться, если не будет опираться на следующие основополагающие положения при изучении своего предмета – психики: принципы научно-материалистического монизма, принципы объективного детерминизма, принцип рефлекторный, принцип единства психики человека и его деятельности (для животных – принцип единства их психики и поведения), социально-исторический принцип (весьма значимая для человека часть принципа объективного детерминизма), генетический принцип, требующий видеть психику в постоянном движении, диалектическом развитии, изменении.

Завершая свои размышления об основных перспективах развития отечественной психологии (включая и историю отечественной психологии), могу убежденно сказать, что она будет развиваться вместе с дальнейшим обогащением диалектического материализма как творческого философского учения, являющегося методологической основой любой науки. Еще в 1966 г. на 18 международном конгрессе психологов наши диалектико-материалистический подход к изучению психики получили высокую оценку не только со стороны советских, но и видных зарубежных психологов.

Критика психоанализа З. Фрейда в раннем творчестве Б.Э.Быховского.

Дроздова Н.В., Шупенько М.И.

Точкой отсчета белорусского опыта переосмысления идей классического психоанализа можно считать 1923 год, когда в журнале “Под знаменем марксизма” (№11–12) была опубликована статья Б.Быховского “О методологических основаниях психоаналитического учения З.Фрейда”, где представлен не вполне последовательный анализ исходной методологии и итоговых выводов психоаналитического учения в свете диалектического материализма. При этом автор классифицирует психоанализ как теорию, которая “не представляет собой законченной системы, а (являет собой – М.Ш.) лишь несистематизированные искания и достижения, проникнутые единством метода.

Характерно, что в статье озвучена мысль, которая “красной нитью” проходит через весь ранний психоанализ (клинический период, 1896 – 1905), и которую сам З.Фрейд

всячески камуфлировал идею о вторичном характере психоанализа на «органическому фундаменту». А именно – Б. Быховский указал на биосоциальный контекст функционирования психического, отнеся психоанализ к промежуточной форме (вынесенной за рамки психологии) между психологией, биологией и физиологией, самодовлеюще выделяемой в некий континуум этих составляющих. При этом, ставится под сомнение субъективизм фрейдовского учения, постулируемый автором как представителем «учения объективного изучения соотносительной деятельности». «Когда ближе знакомишься с психоанализом, – пишет Б. Быховский, – не только убеждаешься в его согласуемости с реактологией, но и начинаешь сомневаться в его субъективизме. ... Фрейд изучает объективные проявления бессознательного (симптом, ошибка и т.д.), ... ищет условия минимального участия сознания».

Для нас показательным и очевидным (с точки зрения динамики исторического процесса) является не только заключение выпускника факультета общественных наук БГУ о том, «что, не смотря на субъективистскую оболочку, психоанализ, в основе своей, есть учение, проникнутое монизмом, материализмом (...) и диалектикой, т.е. методологическими принципами материализма». но и факт признания этого учения строго научной теорией прогрессивными учеными из профессорско-преподавательского состава Белгосуниверситета. Так, в учебном плане I курса педагогического факультета БГУ, в программе по психологии, составленной профессором В.И. Ивановским в 1924 г., психоанализу З. Фрейда уделяется должное внимание, наряду с другими отраслями и разделами психологии.

Далее мы также подробно остановимся на раннем этапе творчества Б.Э. Быховского, тем более, что в 20–30-е гг. он был практически единственным представителем белорусской науки, который обсуждал актуальные проблемы психоаналитической теории на страницах научной периодики. Другой причиной пристального интереса к минскому периоду деятельности этого ученого можно назвать примечательную и интересную особенность его творчества. Речь идет о той «идейной эволюции взглядов Б.Э. Быховского относительно фрейдизма», на которую указывал В.М. Ковалгин еще в 1972 г. Для нас в данном контексте чрезвычайно интерес представляет заметная параллельность курсов эволюции (революции?) научных взглядов отдельного ученого, как субъекта исторического процесса – с одной стороны, и динамики политического влияния власти на общий ход и направление развития научной мысли – с другой. С этой позиции творчество Б.Э. Быховского является достоверным индикатором судьбы советского психоанализа в 20–30-е гг.

Быховский Бернард Эммануилович (1898 (1901?) – 1980 гг.) родился в г.Бобруйске. Окончил факультет общественных наук БГУ (1923), а с 1929 по 1953 гг. – профессор этого университета. Доктор философских наук (1941). В 1953 – 1973 гг. – профессор кафедры философии Московского института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Исследовал проблемы диалектического и исторического материализма, истории европейской и современной западной философии.

В 1926 г. выходит следующая статья Б. Быховского «Генеомические воззрения Фрейда» (Под знаменем марксизма, № 9-10), с пометкой от редакции: «помещается в качестве материала к критике социологических воззрений Фрейда». В статье анализируется методологическая сущность социологии по З. Фрейду, озвучивается ее очевидная противоположность марксизму. Разногласия между психоаналитической социологией и марксизмом автор усматривает в различном понимании ролевой функции отца, предка. В соответствии с материалистической концепцией истории предок или вождь является организатором хозяйственной деятельности, носителем социально-производственного опыта и традиций. В то время, по З. Фрейду, отец – «не социальная категория, а категория бисексуальная – объект либидо и ревности».

Фрейдовская концепция Эдипова комплекса, нескритически интегрированная в сферу объяснения генезиса возникновения социальных институтов (религии, идеологии, права, законодательства и т.п.), воспринимается автором, как попытка «биологизации общественных явлений, лишения их социального содержания» [1, с. 179]. Для обозначения конст-

руктов психоаналитической социологии в текст статьи вводится термин “десоциализация” (по аналогии с применяемым З.Фрейдом термином “десекуализация”), что позволяет сделать вывод о том, что “всякая психологическая теория, будучи положена в основу социологической методологии, неизбежно приводит к краху”. И здесь мы отмечаем характерные признаки той самой “идейной эволюции взглядов Б.Э. Быховского”, о которой говорилось выше: амбивалентность стиля, характерная для предыдущей работы, сменилась категоричной убежденностью в невозможности конвергентного существования диаметральных парадигм, в силу взаимоисключающего характера базисных координат: “Либо с Фрейдом, либо с Марксом. Третьего не дано”. Следует отметить, что подобная категоричность взглядов, есть не что иное, как возведение ригидной системы защит, как продолжт изоляции наизнанку, необходимой для сохранения собственной идентичности советского ученого и коммуниста. Эмоциональный компонент (справедливости ради заметим, что не единственный) критики доходит порой, в высказываниях автора до некоторой незримой грани, рубикона, отделяющего традиционную научную критику от псевдонаучного обскурантизма. Так, Б.Э. Быховский использует не только строго научную методологию со своим категориальным аппаратом, но и не избегает понятий, лишенных жестко дифференцированного семантического наполнения. Со своей марксистской колокольни он отмечает: “Фрейд неоднократно пользуется, непостижимыми им социальными мотивами для подкрепления своей убогой концепции”. Однако на этом критические настроения не угасают, и “символическое убийство” З.Фрейда продолжилось на страницах книги “Метапсихология Фрейда” (Минск, 1926).

Данная книга представляет для нас несомненный интерес не только с позиции содержания и качества теоретического материала, сколько с исторической точки зрения, так как предоставляет уникальную возможность проследить динамику попыток ассимиляции психоаналитической теории марксистско-ленинской психологией. Эта работа отражает господствующий в то время физиологический (реактологический) подход к объяснению поведения человека, чему способствовали не только тенденции развития русской физиологической школы, но и официальная идеологическая установка на материалистический подход к объяснению динамики функционирования психического.

Первая глава книги Б.Э. Быховского начинается с попыток “преодолеть мистификацию фрейдовской терминологии”. С этой целью постулаты бессознательного, принципы реальности и удовольствия сращиваются с физиологическими положениями школы И.П. Павлова и В.М. Бехтерева: “Фрейд ... показывает, как появление принципа реальности повлекло за собой усовершенствование органов чувств и связанного с ним сознания, выработало функции внимания, памяти. ... Фрейд не анализирует эти высшие психические функции, он ограничивается установлением их происхождения на основе принципов реальности, т.е. условных реакций”.

Вторая глава предметом рассмотрения ставит изучение принципов удовольствия-неудовольствия “и тех биопсихических процессов, которые лежат по ту сторону этого принципа”. Мы укажем на справедливые, на взгляд беспристрастного исследователя, критические замечания в адрес его поздних работ (метафизический этап, 1913–1939), где постулируется существование двух противоборствующих психических влечений – инстинктов жизни (Эрос) и смерти (Танатос). “При этом необходимо отметить, – пишет Б.Э. Быховский, – что к отказу от отождествления влечений к жизни и смерти с влечениями Я и либидо Фрейда вынуждает поглощение влечений к самосохранению сексуальными влечениями. ... а раз остались одни либидные влечения, то влечения к смерти исчезли”. Здесь, как мы видим, автор уличает З. Фрейда в заметном противоречии, для компенсации которого тот прибегает к мистическим спекуляциям, подменяя ими методологические недостатки выявления этих самых влечений к смерти.

Глава третья книги Б.Э. Быховского, строгого критика, убежденного материалиста, целиком направлена на то, чтобы убедить читателя, только знакомящегося с трудами З. Фрейда, в том, что “в подлежащей нашему рассмотрению книжке “Я и Оно”, написанной

В 1923 году, Фрейд делает еще шаг вперед по пути терминологической мистификации". Автор одновременно ставит под сомнение новое понятие (сверх-Я), составляющее центральную идею рассматриваемой им работы и, в то же время, подводит методологические стандарты марксизма под теорию происхождения сверх-Я: "Такая ... природа сверх-Я вполне соответствует нашим марксистским представлениям о нем, так как корнем морали и совести, с нашей точки зрения, является унаследованный "социальный инстинкт", но реальное содержание инстинкт-задаток приобретается ... в той или иной социальной среде". И здесь мы наблюдаем интересный феномен – для развенчания фрейдовских мистических спекуляций Б.Э. Быховский прибегает к помощи аналогичных, но уже псевдомарксистских, заявляя о существовании некоего "социального инстинкта", методологически, естественно, никак не обосновывая свои допущения.

К. ГРОСС О ПРОБЛЕМЕ ДЕТСКОЙ ИГРЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ)

Ефимович А.М.

Игра занимает исключительное место в жизни ребенка. Постановка проблемы игры помогла решить многие существенные вопросы, связанные с начальным периодом развития личности, прежде всего, раскрыть внутренний мир ребенка и определить своеобразие детства.

Сам термин игра определяется как активность индивида, направленная на условное моделирование той или иной развернутой деятельности. Возникновение игры в процессе эволюции животного мира обусловлено усложнением видовой деятельности и необходимостью усвоения опыта видового сообщества.

Детальное изучение игр детей было предпринято немецким психологом К. Гроссом (1861–1946) в большой книге "Душевная жизнь ребенка".

Прежде всего, автор работы обратился к анализу существовавших ранее теорий, которые объясняют суть феномена игры.

В первую очередь, он проанализировал теорию отдыха, созданную Штейнталем, Шаллером и Лацарусом. Суть ее можно изложить следующим образом: при наступлении утомления для человека самым лучшим отдыхом является покой и, прежде всего, сон, но эти состояния являются не единственными способами отдыха. Существует отдых активного рода, когда человек ощущает необходимость отстраниться от работы, и не нуждается в полном спокойствии. В таком случае он прибегает к "деятельному отдыху", или игре.

Теория игры, сформулированная Спенсером, объясняет ее при помощи избытка нервных сил. Ее основная идея в том, что люди сохраняют некоторый избыток жизненной силы, ввиду того, что они не поглощаются исключительными заботами о своем существовании. В свою очередь, человек, накапливая энергию, нуждается в ее реализации. Если же стремящаяся к разряду энергия не находит возможности реализоваться в деятельности, то вместо нее возникает "подражание деятельности", то есть игра.

Основная мысль теории упражнений или самовоспитания состоит в следующем: исходя из того, что каждое живое существо имеет импульсивное стремление к деятельности, проявляющееся с особенной силой в период роста, авторы теории утверждают, что цель детства состоит в приобретении приспособлений, необходимых для дальнейшей жизни. Выработка приспособлений производится при помощи стремления к подражанию взрослым и их поведению, то есть в данном случае игра понимается как укрепление и развитие наклонностей, проявляющихся из собственного внутреннего побуждения и без какой-либо внешней цели.

Но, несмотря на всю обстоятельность представленных выше теорий, они не раскрывают всех аспектов своеобразия игры. Именно поэтому К. Гросс создал собственную теорию игры.

Игра, по его мнению, составляет главное содержание жизни ребенка и является основным феноменом детства. В подтверждении этого факта К. Гросс выводит несколько парадоксальную формулу: "мы играем не потому что мы бываем детьми, но нам именно для